

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ АМЕРИКАНСКИХ ПОДХОДОВ К ПОЛИТИКЕ НА УКРАИНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Вавилов Андрей Николаевич, кандидат политических наук

Управление Президента РФ по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

Российская Федерация, 103132, г. Москва, пл. Старая, 4

E-mail: an_vavilov@mail.ru

Проведён анализ исторической преемственности американских подходов к политике на украинском направлении. Исторически Украина выступала полем соперничества России и Запада. В периоды обострения политического противоборства в Европе, как, например, накануне Первой мировой войны, значение и роль Украины возрастали. Планы Германии по отторжению Украины от Российской империи служили частью доктрины «Срединной Европы», предусматривавшей формирование пояса буферных государств, входящих в зону немецкого влияния. Польская внешняя политика также традиционно рассматривала поддержку украинского национального движения, а затем и укрепление украинской государственности в качестве важнейшей цели, что нашло свое отражение в доктрине «Междуморья». После распада СССР стратегия США на украинском направлении осуществлялась в соответствии с доктриной геополитического плюрализма. При этом основной целью являлись отрыв Украины от России, недопущение ее участия в российских реинтеграционных проектах, а также обеспечение выполнения Киевом функции буферного государства, которое в силу политико-географических факторов позволит сдерживать развитие сотрудничества России с партнерами в Европе. В подходах к формированию американской политики на Украине прослеживается следование немецкой и польской традициям целеполагания на данном направлении, что дает основания ставить вопрос об их исторической преемственности.

Ключевые слова: Украина, доктрина «Срединной Европы», доктрина «Междуморья», постсоветское пространство, евразийская интеграция, буферное государство, украинский кризис

ON THE HISTORICAL CONTINUITY OF AMERICAN APPROACHES TO POLITICS IN THE UKRAINIAN DIRECTION

Vavilov Andrey N., Ph. D. (Policy)

Office of the President of the Russian Federation for Interregional and Cultural Relations with Foreign Countries

4 Staraya Sq., Moscow, 103132, Russian Federation

E-mail: an_vavilov@mail.ru

This article is devoted to the analysis of the historical continuity of American approaches to policy in the Ukrainian direction. Historically, Ukraine was a field of rivalry between Russia and the West. During periods of aggravation of political confrontation in Europe, such as on the eve of the First world war, the importance and role of Ukraine increased. Germany's plans to alienate Ukraine from the Russian Empire were part of the doctrine of "Middle Europe", which provided for the formation of a belt of buffer States included in the zone of German influence. Polish foreign policy has also traditionally considered the support of the Ukrainian national movement, and then the strengthening of Ukrainian statehood as a major goal, which is reflected in the doctrine of "Mezhdumorya". After the collapse of the USSR, the us strategy in the Ukrainian direction was carried out in accordance with the doctrine of geopolitical pluralism. The main goal was the separation of Ukraine from Russia, preventing its participation in the Russian reintegration projects, and ensure observance by Kiev of functions of a buffer state, which, due to political and geographic factors will hinder the development of Russia's cooperation with partners in Europe. The approaches to the formation of American policy in Ukraine follow the German and Polish traditions of goal-setting in this direction, which gives grounds to raise the question of their historical continuity.

Keywords: Ukraine, the doctrine of "Middle Europe", the doctrine of the "Intermature" region, the post-Soviet space, Eurasian integration, a buffer state, the Ukrainian crisis

После крушения СССР и слома биполярного миропорядка возникла значительная неопределенность в видении основных тенденций развития системы международных отношений. Для России эта неопределенность усиливалась необходимостью поиска своего места в постбиполярном мире и отстаивания своих интересов в условиях масштабной социально-политической трансформации. В первой половине 1990-х гг. получили распространение представления о том, что мир после холодной войны будет отличаться меньшей конфликтностью,

приматом норм международного права с опорой на декларируемые Западом гуманистические идеалы. При этом в России многие видели нашу страну безусловной частью западной цивилизации и в значительной степени ассоциировали российские интересы с интересами Запада, о чем может свидетельствовать внешняя политика под руководством А. Козырева. Не случайно этот период вошел в историю как «медовый месяц» российско-американских отношений. Однако он был непродолжительным. Уже к середине 1990-х гг. стали очевидными глубокие противоречия в видении Москвой и Вашингтоном основ двусторонних отношений и места постсоветской России в системе международных отношений. Расхождения во взглядах носили фундаментальный характер и основывались на различном понимании причин окончания «холодной войны»: Вашингтон воспринимал Россию как страну, которая потерпела поражение, в то время как в Москве исходило из того, что отказ от глобального идеологического противостояния носил осознанный и добровольный характер.

Представления о том, что после распада СССР Россия сможет гармонично и бесконфликтно встроится в политическую и экономическую систему Запада оказались иллюзорными. Уже со второй половины 1990-х гг. российско-американские отношения стали во все большей степени отходить от декларированной модели стратегического партнерства и приобретать конфликтный характер. При этом постсоветское пространство превратилось в зону острого соперничества. Стал очевидным курс США на блокирование интеграционных усилий России и противодействию стремлению Москвы стать локомотивом формирования в Евразии глобально-политического и экономического полюса. В этом контексте политика США на постсоветском пространстве стала рассматриваться как отражение истинных целей в отношении нашей страны, которые во все большей степени соответствовали политике Вашингтона периода «холодной войны». Острый украинский кризис также стал отражением нарастающего конфликта России и США и дал основания говорить о возврате к конфронтационной модели двусторонних отношений, в рамках которой на новом историческом этапе воспроизводилась хорошо знакомая по периоду холодной войны политика сдерживания нашей страны.

После распада СССР, как и неоднократно ранее в истории, Украина оказалась частью, по выражению Р. Саквы, «промежуточных земель» [16, с. 69]. Эта бывшая советская республика в силу политических, экономических и гуманитарных факторов приобрела особое значение, как для России, так и для США. Для России Украина являлась наиболее близким государством в регионе, экономика которой самым тесным образом была завязана на российскую. С развитием проекта евразийской интеграции Украина рассматривалась в Москве как его важнейший участник, способный придать необходимый масштаб и обеспечить сохранение важных кооперационных и торговых цепочек. Для США Украина также превратилась в важнейший элемент региональной стратегии, призванный сдерживать развитие российских политических и экономических региональных инициатив и выступать в качестве противовеса России на постсоветском пространстве. Прежде всего, следует отметить, что украинское направление политики США с точки зрения целеполагания в полной мере являлось производным от стратегии на постсоветском пространстве.

США быстро отказались от россиецентричного подхода к политике на постсоветском пространстве и перешли к последовательному и всестороннему укреплению суверенитета новых независимых государств.

В 1994 г. была принята очередная стратегия национальной безопасности США, в которой фактически был зафиксирован отказ от «россиецентричной» политики на постсоветском пространстве и от приоритетности цели достижения «стратегического партнерства» с Москвой [27]. В начале 1994 г. в президентском послании «О положении в стране» говорилось, что безопасность США будет в дальнейшем зависеть от того, сумеют ли они самым энергичным образом обеспечить демократическое развитие восточноевропейских государств [20, с. 151]. В марте 1994 г. сенат США принял поправку к проекту закона о бюджете на 1995 г., в которой было зафиксировано положение о том, что США должны противодействовать объединению РФ с бывшими союзными республиками в экономической и военной областях [14, с. 75–83]. В стратегии национальной безопасности США, утвержденной в 1997 г., констатировалось, что независимость, суверенитет и территориальная целостность, а также успех политических и экономических реформ в этих государствах представляли особую важность для американских интересов [28]. Фактически пространство СНГ провозглашалось тем самым зоной жизненно важных интересов Соединенных Штатов.

Подходы США к политике на постсоветском пространстве получили закрепление и в последующих стратегиях национальной безопасности, в частности, принятых в 2002 и 2006 гг., в которых государствам СНГ уделялось заметное место. Так, СНБ-2002 определяла, что американская внешняя политика будет направлена на поддержание независимости и стабильности государств бывшего СССР [30]. А СНБ-2006 констатировала, что «Россия оказывает большое влияние на своих ближайших соседей». В документе также отмечалось, что стабильность и благополучие государств-соседей России будет способствовать углублению российско-американских отношений. Но эта стабильность «будет иллюзорной до тех пор, пока регион не управляется эффективными демократиями» [31].

В 1992 г. З. Бжезинский одним из первых сформулировал свое видение эффективной американской политики на постсоветском пространстве. По его мнению, «США следует обеспечить консолидацию и стабилизацию постсоветских республик в интересах формирования условий для трансформации России в постимперское государство» [23, с. 185]. Он оценил отношения с РФ также как «преждевременное партнерство» и заявил о том, что «партнерство США и России не может развиваться в условиях, когда Россия начинает проводить политику по воссозданию советской империи» [4].

Идеи З. Бжезинского и его единомышленников о целях политики США на постсоветском пространстве составили содержание т.н. доктрины «геополитического плюрализма», которая выступила в качестве основы американской политической практики в регионе. В соответствии с ней стратегия США на пространстве СНГ предполагала формирование и укрепление в регионе прозападных режимов в новых независимых государствах, которые смогли бы торпедировать российские интеграционные инициативы, а также служить инструментом противодействия российскому экономическому и политическому влиянию в «ближнем зарубежье».

Так, например, в соответствии с доктриной «геополитического плюрализма» было инициировано формирование прозападного объединения ГУАМ включавшего Грузию, Украину, Азербайджан и Молдавию (впоследствии преобразовано в ОДЭР-ГУАМ (Организация за демократию и экономическое развитие)). При декларируемых преимущественно экономических задачах, политическое предназначение данного блока не вызывает сомнения и сводится к функции альтернативного интеграционного центра на постсоветском пространстве, призванном обеспечить дальнейшую политическую и экономическую эрозию региона и ослабление российского влияния. При этом факт американского участия в проекте являлся очевидным. Американские послы в государствах-членах этого объединения не скрывали, что организация финансируется американцами [17, с. 27].

Таким образом, были сформированы основы американской региональной политики, в основу которой была положена цель недопущения консолидации постсоветского пространства вокруг Москвы. При этом в американском политико-академическом сообществе сформировался консенсус в оценке действий России, а ряд американских экспертов и политиков фактически отказывали России в праве иметь интересы на постсоветском пространстве и реализовывать самостоятельный внешнеполитический курс в регионе [8; 18, с. 3–21]. Российский исследователь Т. Подлесный указывал, что уже в тот период в американском политико-академическом сообществе утвердились взгляды, в соответствии с которыми США следовало начать политику нового сдерживания в отношении России [12, с. 45–46].

Российское восприятие американской политики на Украине в значительной мере также связано с именем З. Бжезинского, в частности, с его известной формулой о том, что без Украины Россия не сможет снова стать империей. Помимо набившего оскомину идеологического штампа, эта формула содержит и отражение рациональных целевых установок в духе политического реализма.

З. Бжезинский изначально придавал ключевое значение восстановлению контроля России над Украиной, полагая, что географическое положение, экономический и гуманитарный потенциал этой бывшей советской республики превратят Россию в империю и существенно укрепят ее позиции на мировой арене. Кроме того, он рекомендовал образовать Черноморско-Балтийскую зону, в которую вошли бы страны Центральной Европы, Украина, страны Балтии, Беларусь, и поддержать строительство национальных государств на постсоветском пространстве, прежде всего, на Украине [23, с. 186]. При этом он признавал, что рассматривает украинский вопрос в привязке к роли и месту Польши в Восточной Европе. Успех России на Украине, по его мнению, кардинально подрывал позиции Польши, препятствуя ее становлению в качестве

регионального лидера в ЦВЕ и лишая ее исторической зоны влияния. В этом контексте он решительно выступал за расширение НАТО на восток, в том числе путем поглощения Украины и стран Балтии как надежный способ ограничить влияние России в Центральной и Восточной Европе.

Взгляд З. Бжезинского на цели американской политики на украинском направлении следует признать общепризнанным в США. Так, Г. Киссинджер, отмечая «экзистенциальную» природу российского экспансионизма, также указывает на необходимость его сдерживания за счет противодействия реинтеграции России и Украины. По его мнению, «без Украины никакая модель интеграции не будет полноценной, а превращение Украины в своего рода «американскую Кубу» под носом у России – крайне перспективный путь влияния на российскую политику. Единственная сложность – Украина намного крупнее Кубы, и воздействие на нее обойдется дороже» [19, с. 19]. А. Кознполагал, что её стратегическое месторасположение является «ключевым для всей Восточной Европы» и для основных региональных центров силы – России, Евросоюза и США [25]. Эксперты корпорации Statfor также отмечали, что Украина – «ключ к будущему России. Если Украина останется в орбите Москвы, у России появится возможность рано или поздно переломить ход событий и вернуть себе статус мировой державы» [11].

Преодоление Россией наиболее острых последствий социально-экономического кризиса 90-х гг. позволили перейти к более активной внешней политике в целом, и обеспечили активизацию на постсоветском пространстве, в частности. Последовательная реализация и развитие реинтеграционных инициатив в различных форматах на постсоветском пространстве постепенно становились причиной того, что доктрина «геополитического плюрализма» становилась все более востребованной политическим классом США.

Закономерным проявлением реализации американских подходов по недопущению восстановления российского влияния в «ближнем зарубежье» стала организация острых политических кризисов, представляющих собой по сути операции по смене режимов в некоторых странах СНГ. Наиболее показательной с точки зрения политических последствий без сомнения стала «оранжевая революция» на Украине, в результате которой Киев отказался от согласованного ранее участия в проекте Единого экономического пространства и резко активизировал политику евроатлантической интеграции. Большое разрушительное воздействие на политические и экономические процессы в регионе произвел и вооруженный конфликт в Грузии в 2008 г.

При этом действия России по защите своих интересов трактовались как недопустимое стремление усилить свои международные позиции за счет вовлечения в орбиту влияния бывших советских республик и, в первую очередь Украины. Так, в аналитическом докладе «Неверный путь России: Что США могут и должны сделать?», подготовленном большой группой видных специалистов по России для Совета по международным отношениям США в 2005–2006 гг., Россия обвинялась в использовании «энергетического оружия» против Украины, попытках ограничения военного присутствия США в ЦАР, а также в её общей политике на постсоветском пространстве, которая «превратилась в источник периодических трений между Москвой и Вашингтоном и все теснее переплетается с другими проблемами, включая энерго-ресурсы, борьбу с терроризмом и поддержку демократических преобразований» [29]¹.

Государственный переворот 2014 г. на Украине во многом воспроизвел логику «оранжевой революции» в гораздо более драматичном и бескомпромиссном варианте, продемонстрировав при этом, что соперничество России и США вышло на новый уровень. В условиях последовательной деградации российско-американских отношений острый украинский кризис стал свидетельством решимости Вашингтона пресекать попытки России реализовать масштабный проект реинтеграции постсоветского пространства. Украина при этом превращалась не просто в «спорную территорию», но в плацдарм антироссийского влияния и антироссийский буфер на пути развития отношений России и ЕС.

Таким образом, взгляды З. Бжезинского на значение Украины для России, политику России на постсоветском пространстве и необходимые шаги по противодействию ей со стороны США не только стали общепринятыми в американском политико-академическом сообществе, но и фактически составили доктринальную основу для практических действий. При этом представляется, что эти взгляды и подходы несут на себе заметный отпечаток исторического

¹Russia's Wrong Direction: What The United States Can and Should Do. Report of an Independent Task Force. Council on Foreign Relations. New York, 2006. P. 4–5. URL: <https://www.cfr.org/report/russias-wrong-direction>, (дата обращения: 01.06.2017).

идейного наследия и практического опыта. А в политике США на украинском направлении проявились черты и подходы, характерные для периодов острого противостояния в Европе.

Территория современной Украины неоднократно становилась ареной вооруженных конфликтов с участием России. Левобережная Украина стала частью российского государства по итогам русско-польской войны (1654–1667 гг.). Отдельные части украинских земель были присоединены к Российской империи в результате разделов Польши (1772, 1793, 1795 гг.) и войн с Турцией. Накануне и в период первой мировой войны цель освобождения исторической территории Западной Руси стала составляющей государственной идеологии. В распространном перед началом наступления русской армии в Галиции в августе 1914 г. провозглашалось: «Да не будет отныне подъяремной Руси! Приобретение Владимира Святого, земля Ярослава Остомысла, князей Даниила и Романа сбросив иго, да поднимет стяг единой великой неделимой России!» [1].

Во второй половине XIX в. политическое значение Украины в контексте политики на европейском континенте возрастает. После периода пребывания в составе Российской империи и ассимиляционной политики, тем не менее, получает развитие процесс украинского национального возрождения. Представляется обоснованной точка зрения о том, ограничительные меры российских властей, в частности, т. н. Эмский указ 1876 г., направленные против употребления украинского языка, были продиктованы, в том числе, опасениями использования малороссийского сепаратизма в рамках так называемой «польской интриги» [21, с. 219]. Впоследствии поддержка украинского национального движения извне ассоциировалось, прежде всего, с целями внешней политики Австро-Венгрии. Хотя вопрос о роли западного участия в становлении и развитии украинского национального движения в современной историографии в значительной мере остается дискуссионным.

Взгляд на концептуальное и идеологическое наследие германской и австро-венгерской политики накануне Первой мировой войны не оставляет сомнений в том, что Украина выступала в качестве объекта экспансионистских устремлений. Так, украинское направление являлось частью немецкой политической доктрины «Срединной Европы», в основе которой лежали идеи политического и экономического переустройства Восточной Европы посредством воссоздания ряда новых государственных образований [2, с. 173]. Авторы и приверженцы данной доктрины выступали за формирование политического и экономического объединения новых государств, которое бы безоговорочно составило сферу особых интересов и ответственности Германии, и выступало в том числе в качестве естественного политико-географического фактора сдерживания политического влияния России в Европе [2, с. 177]. Предполагалось, что в состав такого рода объединения могут войти Польша, прибалтийские страны, а также государств Причерноморья, в том числе Украина. В русле идей концепции «Срединной Европы» возник и получил распространение термин «Междуевропа», служивший для обозначения лимитрофных государств на окраинах «Срединной Европы» – Финляндии, Прибалтики, Польши, Молдавии и Украины.

В конце 80-х гг. XIX в. в немецком журнале «Гегенварт» вышла статья германского философа Э. фон Гартмана, в которой автор ратовал за создание «Киевского королевства» под протекторатом Австро-Венгрии, что также отвечало целям ослабления России [5]. Немецкий историк П. Рорбах писал о целесообразности восстановления исторического рубежа между Москвией и Украиной», а также отторжении от России Курляндии, Ливонии и Эстонии, Польши и Финляндии [22, с. 35].

В период, предшествующий Первой мировой войне, подобные воззрения и, прежде всего, концепция «Срединной Европы» оказались востребованными политической элитой центральных держав». Один из сподвижников немецкого канцлера писал: «надо создать большую срединно-европейскую экономическую общность, которая должна утвердить место Германии в экономической борьбе за выживание и оградить нас от сплоченных и мощных в экономическом отношении империй: Великобритании с колониями, США и России ... Россия станет не опасной, когда ее западные рынки и народы будут у нее изъяты. Россия стала великой европейской державой, включив в свой состав балтийские провинции, а с их потерей (Финляндии, Литвы, Польши), а также Украины, Бессарабии, Черноморского побережья она станет тем, чем была до Петра Великого» [15, с. 44–45]. Идеи «Срединной Европы» оказали самое непосредственное влияние на содержание «сентябрьской программы» канцлера Бетман-Гольвега, в которой историки видят одно из наиболее полных и точных свидетельств целей Германии в Первой мировой войне [15, с. 42].

Данные взгляды были характерны не только для политического класса, но также и получили распространение и поддержку в массовом сознании. Так, доктрина «Срединной Европы» фактически выступала идеологической основой т. н. «меморандума шести хозяйственных организаций» и «меморандума профессоров» – документов, отражавших взгляды немецкой буржуазии и интеллигенции на задачи Германии в мировой войне. В соответствии с ними экспансионистские устремления на Востоке предполагали присоединение к Германской империи земель, лежащих восточнее линии, идущей от Чудского и Псковского озёр до устья Днепра и последующее экономическое подчинение России интересам германской политики [10].

Кроме того, Украина рассматривалась и как важнейший поставщик продовольствия. В 1918 г. А. Шмидт писал, что «аграрная Украина экономически представляет собой прекрасное дополнение к развитой промышленности центральных держав» [6, с. 6]. Спустя почти сто лет посол США в Киеве Д. Пайэтт также призвал Украину стать аграрной державой [13].

В современной историографии утвердилась точка зрения, в соответствии с которой цели Германии на Востоке сводились к «созданию нескольких буферных государств, включая украинское, тесно связанных с Берлином отношениями в политической, военной, экономической и культурной областях» [22, с. 28].

При этом украинское национальное движение, проявлявшее себя на том историческом этапе, прежде всего, в культурной и языковой сфере постепенно приобретало значение инструмента достижения политических целей. Так, например, по одной из версий, впервые сам термин «украинский» в его политическом значении был употреблен в письме императора Австро-Венгрии Франца Иосифа от 5 июня 1912 г. парламентскому русинскому клубу в Вене [21, с. 232]. В целом общую линию Германии и Австро-Венгрии в отношении Украины в тот период можно характеризовать как стремление придать ей «утраченную» политическую субъектность.

Позднее идеи доктрины «Срединной Европы» были востребованы и в рамках внешнеполитической концепции Третьего Рейха [24, с. 133]. В фашистской Германии они получили специфическое идеологическое оформление, отражавшее возросший уровень агрессии и радикализма в немецкой внешней политике. При этом представление о будущем месте Украины на востоке Европы принципиально не изменилось – она должна была быть оторвана от России, а ее экономический, прежде всего сельскохозяйственный, и человеческий потенциал должен быть использован в интересах Рейха. В «Замечаниях» к плану «Ост» предлагалось разделить территорию Украины на мелкие полуавтономные образования, обеспечив в каждом из них обособленное национальное развитие [9].

Кроме того, Украина исторически выступала и в качестве важнейшей составляющей основных польских внешнеполитических концепций. В частности, Украина являлась элементом доктрины «Междуморья» (в Польше для его обозначения зачастую используется аббревиатура ABC – Adryatyk – Baltyk – MorzeCzarne), которая предполагала образование на западных рубежах Российской империи простирающегося от Балтики до Черного моря пояса ориентированных на европейские державы и враждебных Москве лимитрофных государств. Данный проект связывают с именем Ю. Пилсудского и его видением основ польской внешней политики. Реализация «Междуморья» очевидно имела бы следствием не только усиление политического влияния Польши и ее превращение в регионального лидера, но и формирование барьеров для развития контактов и связей России с потенциальными партнерами в Европе, сдерживание ее экономического роста и поддержание очагов политической напряженности фактически по всей протяженности западных границ.

Как и доктрина «Срединной Европы» доктрина «Междуморья» была чрезвычайно популярна и востребована накануне и в период Первой мировой войны. В 70-х гг. прошлого века в польских эмигрантских кругах был предложен ее более «мягкий» вариант, адаптированный к актуальным на тот момент политическим реалиям, получивший известность как доктрина Гедройца-Мерошевского или доктрина ULB (Украина – Литва – Белоруссия). Она предполагала всестороннюю поддержку националистических движений на Украине, в Белоруссии и Прибалтике с целью создания условий для начала реальной борьбы за их государственность. Западные советские республики также рассматривались как пояс безопасности между СССР-Россией и Польшей. Как отмечает В. Гулевич, «Украина всегда, пассивно или активно, но присутствует во внешнеполитическом векторе польской политики, и всегда взгляд Польши на эту страну – это взгляд сквозь призму доктрины «Междуморья», с основными положениями которой коррелируются региональные нюансы общеевропейской политики Польши» [7]. Кроме того, появление

доктрины Гедройца-Мерошевского как и реальная политика Польши на украинском направлении, которая безусловно несет на себе ее отпечаток, свидетельствуют об устойчивом характере польских внешнеполитических установок в регионе, которые в некоторой степени перекликаются с немецкими устремлениями в рамках «Срединной Европы». К тому же в постсоветских реалиях региональные амбиции Варшавы подпитывались нацеленностью Вашингтона на военно-политическую и экономическую экспансию на восток с опорой на «новых членов» ЕС и НАТО.

Как мы видим, во взглядах представителей американского политико-академического сообщества украинской политике Вашингтона явно прослеживается следование немецкой и польской традициям к политическому целеполаганию на украинском направлении. Как и столетие назад для Центральных держав основной целью украинской стратегии США в современной условиях предстает отрыв Украины от России, обеспечение выполнения Киевом функции буферного государства, которое в силу политико-географических факторов позволит сдерживать развитие сотрудничества России с партнерами в Европе, а также недопущение ее участия в российских реинтеграционных проектах. Государственный переворот 2014 г. позволил пойти дальше указанных задач. Фактически Украина превращена в плацдарм антиросийского влияния в Европе, который генерирует напряженность на российских границах, а также позволяет решать политические задачи в рамках политики сдерживания России, выходящие за рамки украинской проблематики.

Таким образом, взгляды представителей современного американского политико-академического сообщества на Украину несут на себе отпечаток польского и немецкого исторического опыта. В связи с этим, на наш взгляд, представляется возможным говорить об исторической преемственности американских подходов к политике на украинском направлении.

Список литературы

1. Асташов, А. Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны / А. Б. Асташов. – Москва : Спецкнига, 2012. – 400 с.
2. Баранов, Н. Н. Срединная Европа Ф. Науманна: становление концепции / Н. Н. Баранов // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2009. – № 3 (65). – С. 173.
3. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его стратегические императивы / З. Бжезинский. – Москва : Международные отношения, 1998. – 256 с.
4. Бжезинский, З. Преждевременное партнерство / З. Бжезинский. – URL: http://www.polisportal.ru/files/File/publication/Starie_publicacii_Polisa/B/1994-1-Bzhezinskiy-Prezhdevremennoe_partnerstvo.pdf (дата обращения: 15.06.2017).
5. Ваджра, А. Рождение Украины из «Drangnach Osten». Русский проект / А. Ваджра. – 25 февраля 2011 г. – URL: <http://www.rusproject.org/node/219> (дата обращения: 22.08.2017).
6. Городецкий, Е. Крах германской оккупации на Украине / Е. Городецкий. – Москва : Книга по требованию, 2016. – С. 6.
7. Гулевич, В. Доктрина Междуморья и евроинтеграция Украины / В. Гулевич. – 17.02.2014. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/10346> (дата обращения: 22.07.2016).
8. Данилова, Т. Ю. Американские специалисты о перспективах отношений США и РФ при новой администрации / Т. Ю. Данилова. – URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=150> (дата обращения: 29.06.2017).
9. Дашичев, В. И. Банкротство стратегии германского фашизма / В. И. Дашичев. – Москва, 1973. – Т. 2. – 652 с.
10. Нотович, Ф. И. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг. / Ф. И. Нотович. — Москва : ОГИЗ, Госполитиздат, 1947. – 240 с.
11. Отношения России с Западом вращаются вокруг украинской «оси». АПН-НН. – 15 декабря 2005. – URL: <https://apn-nn.com/news/otnosheniya-rossii-s-zapadom-vrashchayutsya-vokrug-ukrainskoy-osi-stratfor-sshaf> (дата обращения: 30.10.2017).
12. Подлесный, П. Т. США в поисках новой формулы отношений с Россией (обзор дискуссий) // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2008. – № 9 (465). – С. 45–46.
13. Посол США увидел в Украине аграрную сверхдержаву. КП в Украине. – 24 февраля 2016 г. – URL: <https://kp.ua/politics/530593-posol-ssha-uvydel-v-ukrayne-ahramuui-sverkhderzhavu> (дата обращения: 30.06.2019).
14. Работяжев, Н. Украина между Россией и Западом: опыт геополитического анализа / Н. Работяжев // МЭМО. – 2008. – № 9. – С. 75–83.
15. Садовая, Г. М. Германия: от кайзеровской империи к демократической республике (1914–1922 гг.) / Г. М. Садовая. – Самара : Самарский университет, 2008. – С. 44–45.
16. Саква, Р. Линия фронта – Украина. Кризис на приграничных территориях / Р. Саква ; пер. с англ. Л. Игоревского. – Москва : Центрполиграф, 2015. – 415 с.

17. Самуйлов, С. М. Эволюция политики США в отношении СНГ / С. М. Самуйлов. – Москва : ИСКРАН, 2005. – С. 27.
18. Самуйлов, С. М. «Мозговые центры» демократов и республиканцев: сравнение подходов России / С. М. Самуйлов // США – Канада: экономика – политика – культура. – 2011. – № 2. – С. 3–21.
19. Сидорова, Н. П. Россия-Украина: тернистый путь к гармонизации отношений / Н. П. Сидорова. – Москва : Дипломатическая академия МИД России, 2000. – С. 19.
20. Троицкий, М. А. Трансатлантический союз 1991–2004. Модернизация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности / М. А. Троицкий. – Москва : НОФМО – Институт США и Канады РАН, 2004. – С. 151.
21. Ульянов, Н. Происхождение украинского сепаратизма / Н. Ульянов. – Москва : Центрполиграф, 2017. – С. 219.
22. Федюшин, О. Несостоявшаяся Украинская держава. Планы германского Генерального штаба по аннексии Юга России. 1917–1918 / О. Федюшин ; пер. с англ. Л. А. Игоревского. – Москва : Центрполиграф, 2014. – С. 35.
23. Шаклеина, Т. А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991–2002) / Т. А. Шаклеина. – Москва : Институт США и Канады РАН, 2002.
24. Яковенюк, И. В. Идея Срединной Европы в концептуальных разработках европейских геополитиков второй половины 19 – начала 20 вв.: историко-теоретический анализ / И. В. Яковенюк // Polit Book. – 2013. – № 3. – С. 133.
25. Cohen, Ar. Crisis in Ukraine: U.S. Interests under Threat. The Heritage Foundation / Ar. Cohen. – 2001. – URL: <http://www.heritage.org/research/testimony/crisis-in-ukraine-us-interests-under-threat> (дата обращения: 14.08.2019).
26. U. S. National Security Strategy 1994–95. Enlargement and Engagement / U. S. Department of State. – July 1994. – URL: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-1994/> (дата обращения: 14.08.2019).
27. A National Security Strategy for A New Century. – May 1997. – URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1997.pdf> (дата обращения: 22.07.2017).
28. Russia's Wrong Direction: What The United States Can and Should Do. Report of an Independent Task Force. Council on Foreign Relations. – New York, 2006. – P. 4–5. – URL: <https://www.cfr.org/report/russias-wrong-direction> (дата обращения 01.06.2017).
29. The National Security Strategy of the United States of America. – Sept. 2002. – URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2002.pdf> (дата обращения: 22.12.2016).
30. The National Security Strategy of the United States of America. – March 2006. – URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf> (дата обращения: 22.12.2016).

References

1. Astashov, A. B. *Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoy mirovoy voyny* [Propaganda on the Russian front during the First world war]. Moscow, Spetskniga Publ., 2012, 400 p.
2. Baranov, N. N. Sredinnaya Evropa F. Naumanna: stanovlenie kontseptsii [Middle Europe F. Naumann: the formation of the concept]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2 "Gumanitarnye nauki"* [Proceedings of the Ural State University. Series 2 "Humanities"], 2009, no. 3 (65).
3. Bzhezinskiy, Z. *Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego strategicheskie imperativy* [Grand chessboard. American domination and its strategic imperatives]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1998, 256 p.
4. Bzhezinskiy, Z. *Prezhdevremennoe partnerstvo* [Premature partnership]. Available at: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/B/1994-1-Bzhezinskiy-Prezhdevremennoe_partnerstvo.pdf (accessed: 15.06.2019).
5. Vadzhra, A. Rozhdenie Ukrainy iz "Drangnach Osten" [The birth of Ukraine from "Drangnach Osten"]. *Russkiy proekt* [Russian project]. 25.02.2011. Available at: <http://www.rusproject.org/node/219> (accessed: 22.08.2019).
6. Gorodetskiy, E. *Krakh germanskoy okkupatsii na Ukraine* [The collapse of the German occupation in Ukraine]. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 2016.
7. Gulevich, V. *Doktrina Mezhdumorya i evrointegratsiya Ukrainy* [Doctrine of Intermarium and European Integration of Ukraine]. 17.02.2014. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/10346> (accessed: 22.07.2019).
8. Danilova, T. Yu. *Amerikanskiye spetsialisty o perspektivakh otnosheniy SShA i RF pri novoy administratsii* [U.S. experts about the prospects of relations between the US and Russia under the new administration]. Available at: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=150> (accessed: 29.07.2019).
9. Dashichev, V. I. *Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma* [Bankruptcy strategy of German fascism]. Moscow, 1973, vol. 2, 652 p.
10. Notovich, F. I. *Zakhvatnicheskaya politika germanskogo imperializma na Vostoke v 1914–1918* [The aggressive policy of German imperialism in the East in 1914–1918]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1947, 240 p.

11. *Otnosheniya Rossii s Zapadom vrashchayutsya vokrug ukrainskoy "osi"* [Russia's relations with the West revolve around the Ukrainian "axis"]. 15.12.2005. Available at: <https://apn-nn.com/news/otnosheniya-rossii-s-zapadom-vrashchayutsya-vokrug-ukrainskoy-osi-stratfor-ssha/> (accessed: 30.07.2019).
12. Podlesnyy, P. T. SShA v poiskakh novoy formuly otnosheniy s Rossiey (obzordiskussii) [The US in search of a new formula for relations with Russia (review of discussions)]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kultura* [USA and Canada: economics, politics, culture], 2008, no. 9 (465).
13. *Posol SShA uvidel v Ukraine agrarnuyu sverhderzhavu* [The us Ambassador saw Ukraine as an agrarian superpower]. Available at: <https://kp.ua/politics/530593-posol-ssha-uvydel-v-ukrayne-ahramuui-sverhderzhavu> (accessed: 30.06.2019).
14. Rabotyazhev, N. Ukraina mezhdru Rossiey i Zapdom: opyt geopoliticheskogo analiza [Ukraine between Russia and Thailand: experience of geopolitical analysis]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2008, no. 9.
15. Sadovaya, G. M. *Germaniya: ot kayzerovskoy imperii k demokraticheskoy respublike (1914–1922)* [Germany: from the Kaiser's Empire to the democratic Republic (1914–1922)]. Samara, Samara State University Publ., 2008.
16. Sakva, R. *Liniya fronta – Ukraina. Krizis na prigranichnykh territoriyakh* [Front line-Ukraine. The crisis in the border areas]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2015.
17. Samuylov, S. M. *Evoluyutsiya politiki SShA v otnoshenii SNG* [Evolution of US policy towards the CIS]. Moscow, ISKRAN Publ., 2005.
18. Samuylov, S. M. "Mozgovye tsenry" demokratov i respublikantsev: sravnenie podlhodov Rossii ["Think tanks" of Democrats and Republicans: a comparison of approaches]. *SShA – Kanada: ekonomika – politika – kultura* [USA – Canada: economy – politics – culture], 2011, no. 2.
19. Sidorova, N. P. *Rossiya – Ukraina: temisty put k garmonizatsii otnosheniy* [Russia – Ukraine: thorny path to harmonization of relations]. Moscow, Diplomatic Academy of the Russian foreign Ministry Publ., 2000.
20. Troitskiy, M. A. *Transatlanticheskiy soyuz 1991–2004. Modernizatsiya sistemy amerikano-evropeyskogo partnerstva posle raspada bipolyarnosti* [The transatlantic Union 1991–2004. Modernization of the us-European partnership system after the collapse of bipolarity]. Moscow, ISK RAN Publ., 2004.
21. Ulyanov, N. *Proiskhozhdenie ukrainskogo separatizma* [Origin of Ukrainian separatism]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2017, 319 p.
22. Fedyushin, O. *Nesostoyavshayasya Ukrainskaya derzhava. Plany germanskogo Generalnogo shtaba po annekzii Yuga Rossii. 1917–1918* [The Failed Ukrainian State. Plans of the German General staff for the annexation of the South of Russia. 1917–1918]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 334 p.
23. Shakleina, T. A. *Rossiya i SShA v novom mirovom poryadke. Diskussii v politiko-akademicheskikh soobshchestvakh Rossii i SShA (1991–2002)* [Russia and the United States in the new world order. Discussions in the political and academic communities of Russia and the United States (1991–2002)]. Moscow, ISK RAS Publ., 2002.
24. Yakovenyuk, I. V. *Ideya Sredinnoy Evropyy v kontseptualnykh razrabotkakh evropeyskikh geopolitikov vtoroy poloviny 19 – nachala 20 vv.: istoriko-teoreticheskiy analiz* [The idea of Middle Europe in the conceptual developments of European geopolitics of the second half of the 19th – early 20th centuries: historical and theoretical analysis]. *Polit Book*, 2013, no. 3.
25. Cohen, Ar. *Crisis in Ukraine: U. S. Interests under Threat*. The Heritage Foundation. 2001. Available at: <http://www.heritage.org/research/testimony/crisis-in-ukraine-us-interests-under-threat> (accessed: 14.08.2019).
26. U. S. National Security Strategy 1994–95. *Enlargement and Engagement*. U. S. Department of State, July 1994. Available at: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-1994/> (accessed: 14.08.2019).
27. *A National Security Strategy for A New Century*. May 1997. Available at: <http://nssarchive.us/NSSR/1997.pdf> (accessed: 22.07.2017).
28. *Russia's Wrong Direction: What The United States Can and Should Do. Report of an Independent Task Force. Council on Foreign Relations*. New York, 2006. P. 4–5. Available at: <https://www.cfr.org/report/russias-wrong-direction> (accessed: 01.06.2017).
29. *The National Security Strategy of the United States of America*. Sept. 2002. Available at: <http://nssarchive.us/NSSR/2002.pdf> (accessed: 22.12.2016).
30. *The National Security Strategy of the United States of America*. March 2006. Available at: <http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf> (accessed: 22.12.2016).